ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Пантыкина М. И. Правовое время: опыт феноменологического исследования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 12 (декабрь). – 0,5 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2016/16260.htm.

ART 16260 **УДК 340.112**

Пантыкина Марина Ивановна,
доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, заместитель директора гуманитарно-педагогического института по учебно-методической работе ФГОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти
pantikina@tltsu.ru

Правовое время: опыт феноменологического исследования

Аннотация. *В статье показано различие между пониманием правового времени как условия легализации правовых норм и предпосылкой эмансипации правосознания. Последняя трактовка развивается в русле феноменологической методологии, в частности конститутивного анализа. В результате традиционное представление о правовом времени дополняется такой характеристикой, как темпоральность, которая обнаруживается в опыте правосознания. При этом пассивные синтезы правосознания используют временную перспективу для поиска оснований устойчивости существования Я, включения его в процессы синхронизации и дисциплинирования, производимые «официальным» правовым временем. Активные синтезы, ориентированные на конституирование новых и проблематизацию старых смыслов, «революционизируют» правосознание, а переживаемое Я правовое время становится как никогда интенсивным. При этом правовое Я идентифицируется не с доминантой стабильности, а с ожиданиями актуализации своего существования. Именно поэтому правовое Я стремится к «осовремениванию», то есть к включению во временные перспективы сосуществования с другими правовыми субъектами.*
Ключевые слова: *правовое время, феноменология права, философия права, правосознание, темпоральность, конституирование, право, правовой субъект.*
Раздел: *(03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.*

Вопрос о том, на каком основании устанавливаются сроки наказания, возраст наступления дееспособности и т. п., как правило, остается без ответа. Объяснения со ссылками на опыт правоприменения и здравый смысл вряд ли можно считать достаточно убедительными, а имеющиеся определения правового времени отличает логическая и семантическая неясность. Действительно, указание на то, что время в праве определяется сроками действия той или иной нормы, предполагает уточнения того, чем обусловлены эти сроки и кто является их «автором». Думается, что выход из создавшегося познавательного затруднения следует искать не в классической теории права, апеллирующей к физикализму и легизму, а в неклассическом правопонимании, в рамках которого время определяется как одна из форм познавательной активности правового субъекта.

Все чаще не только в философской, но и в юридической литературе время определяется как условие конституирования права, поскольку внутри времени и посредством времени личность осознает и идентифицирует себя с обществом. Так, А. Н. Бабенко утверждает, что традиционное представление о праве как устойчивой системы общественного регулирования противоречит современной модели общества, для которого настоящее и прошлое рассматривается с негативной точки зрения, как состояния, которые следует преодолеть в будущем [1]. А. В. Павлов, развивая тезис о необходимости аксиологического осмысления права в контексте времени, доказывает, что время в праве задает интенсивность правовой жизни, «градус» восприятия правовых ценностей [2]. Подобные трактовки дополняют такие классические характеристики

правового времени, как вечность, длительность, направленность и непрерывность, неклассическими – интенсивностью и темпоральностью. Первая характеристика – интенсивность – позволяет установить, какова юридическая сила той или иной правовой нормы, насколько она актуальна, часто ли она применяется и в какой степени эффективна в решении задач правового регулирования. Исследование этой характеристики правового времени является важным и перспективным, но вследствие того, что предполагает использование социологических методов, лежит за пределами тематики предлагаемой статьи. Темпоральность – вторая неклассическая характеристика правового времени – имманентна опыту индивидуального правового сознания и является измерением длительности когнитивных актов. Фактически это интеллектуальное «переживание» смены состояний сознания и порождения все новых и новых смыслов.

В феноменологии исследование темпоральности как внутреннего сознания времени проводится с позиции конститутивного анализа, что позволяет выявить временные условия синтетической деятельности сознания, которая осуществляется во внешнем и внутреннем горизонтах. С позиции внешнего горизонта предмет воспринимается в контексте пространственно-временных координат, которые принято измерять с помощью конвенционально принятых физических, а в отношении правового времени астрономических единиц. Это хабитуализированное время, строго говоря, мало имеет отношения к собственной ментальной жизни человека. Во внутреннем горизонте сознания предмет обретает смысл за счет того, что «запускается» конституирование предмета. В основе этого процесса лежит опыт изменений состояний сознания, опыт ментальной длительности или «пробегания» состязания от первоначальной идеации предмета, его «эскиза» к образованию идентичного смыслового ядра и выделению наиболее существенных характеристик предмета. При этом одни из них осознаются как имеющие место «до», другие – «после» или «позже», а третьи – «теперь». Заметим, что именно такая синтетическая деятельность сознания, рассматриваемая в «фокусе» изменений внутреннего горизонта, называется временностью, или темпоральностью. Она означает, что время становится модусом сознания, а процесс познания реализуется через последовательные этапы конституирования предмета.

Утверждая, что процесс смыслообразования или конституирования является процессом, имеющим собственную темпоральную структуру, Э. Гуссерль предлагал отвлечься от объективной длительности существования предмета, например игральной кости, и сосредоточиться на внутренней временности явления – временности восприятия кости: «Последнее протекает в своих временных отрезках и фазах, которые, в свою очередь, представляют собой непрерывно изменяющиеся явления одной и той же кости. Их единство есть единство синтеза, это не просто связанность cogitations (в известной мере лишь их внешняя приклеенность друг к другу), но их связанность в одно сознание, в котором конституируется единство интенциональной предметности как предметности многообразных способов явления» [3]. Исследование темпоральности как сущностной характеристики сознания позволило Гуссерлю обнаружить источник смыслообразования – память, которая определяется как такая форма рефлексии, которая сохраняет значимость событий и предметов в сознании и представляет их в качестве материалов или, в терминологии Э. Гуссерля, реальных конституэнтов опыта. Как пишет П. П. Гайденко, их первичный континуум затем «растягивается», разрастается, образуя непрерывность дления любого временного процесса. «Такая непрерывность, по Гуссерлю, есть время конституированной предметности, составляющей исходную – феноменологическую – предпосылку обычного (“расхожего”) времени – времени природно-космического, с которым имеет дело естествознание и обыденный человеческий опыт» [4].

Поскольку, согласно Гуссерлю, полный интенциональный акт конституируется временными фазами («теперь», ретенция и протенция), несущими в себе отдельные свойства воспринимаемого предмета, то данный предмет в единстве и целостности нами никогда не осознается. Следовательно, как пишет В. И. Молчанов, «темпоральная структура интенциональности характеризует восприятие как своего рода “прикидки”, “наброски”, “эскизы”, которые совершает сознание, конституируя данность предмета. Феноменологическое данное – это “континуум перспектив”, благодаря которому мы имеем возможность, по Гуссерлю, “достраивать образ”, воспроизводить предмет по его видимой части» [5]. Это является особенно важным, так в процессе оперирования каким-то мысленным образом приходится иметь в виду различные временные перспективы: «это будет» «это уже невозможно», «это сейчас и здесь» и т. д. В результате синтеза временных перспектив и их соотнесения с целью предстоящего действия образуется Δt, которое обычно и воспринимается как собственно время.

Другим следствием темпоральности как внутренней характеристики сознания является его интерсубъективность. Связь темпоральности и интерсубъективности обусловлена тем, что «длящееся Я», конституирующее себя в своих временных перспективах, осознает свою актуальность в диалоге Другими. Несмотря на то что Другие включаются Я в «зону отчуждения», необходимость самореализации вынуждает Я включаться в те или иные межличностные ассоциации, но только в той мере, в какой временные перспективы Других составляют часть временных перспектив Я. Последний вместе с Другими становится явлением особого объективного мира и приобретает признаки социальности. При этом, оставаясь в качестве синтеза сознания, отношение Я-Ты является только возможностью, которая объективируется в деятельности при определенных условиях.

Уточним, каковы условия актуальности и осмысленности интерсубъективных связей в праве. Для этого рассмотрим право в контексте темпоральности правосознания, обусловливающего специфику конституирования правовой предметности и деятельности. Временность как сущностная характеристика правосознания означает, что оно имеет собственную динамику, которая может зависеть, а может и не зависеть от исторических, астрономических, биологических и иных аспектов времени внешних процессов и явлений. Эта динамика определяется взаимообусловленностью разных векторов его конституирования – активного и пассивного синтеза правосознания. В базисе правосознания лежит пассивное конституирование, реализующееся через серии идеаций, одни из которых позволяют удерживать целостность Я, другие встраиваются в общую временную перспективу первопорядковости существования психофизического Я, если они не нарушают его стабильность. Первые из них артикулируются в суждениях «и так далее», «я могу снова и снова» или «здесь как наше там», в которых закрепляется устойчивость «своего» мира. Другие идеации гарантируют синхронизацию объективных форм права и смыслового поля сознания индивида и реализуются в так называемой правовой «вменяемости» индивида. Последняя предполагает способность индивидуального сознания осваивать предзаданные нормативно определенные композиции, формы и схемы деятельности.

Пассивная самоидентификация является условием некритичного восприятия реалий правовой жизни и замещения свободных суждений социальными стереотипами. Например, если обычных российских граждан спросить об их оценке таких общественно-политических принципов, как свобода, равенство и братство, а также их готовности жить в соответствии с этими принципами, то большинство ответит утвердительно. В своих ответах россияне, скорее всего, будут руководствоваться соображениями, возникающими в конкретной ситуации («сейчас и теперь») в отношении аб-

страктных правил правовой жизни. Иные временные перспективы, требующие ретроспективного анализа и рефлексии, обычно не принимаются во внимание. В связи с этим А. Н. Славская задает справедливый вопрос о том, знает ли российский обыватель, «что в западноевропейском обществе давно осознали противоречие между свободой (как свободой предпринимательства, т. е. возможностью обогащения) и равенством, поскольку свобода обогащения неизбежно привела к реальному экономическому неравенству? Следовательно, он отвечает на этот вопрос с абстрактно-умозрительных позиций, оказавшись же за чертой бедности и поняв взаимосвязь этих явлений, его ответ будет иным» [6]. Другими словами, правовой субъект, определяя свое место в системе правоотношений, нередко не желает осознавать свои возможности, отказывается от права самостоятельно определять их уместность (или неуместность) и не рассматривает себя с точки зрения множественности временных перспектив.

Такое неведение зачастую оправдывается связью с мнением большинства, то есть необходимостью удержания общих временных перспектив как условием современности или актуальностью. Изобличение или критика этих представлений бессмысленны. Как справедливо отмечал А. Шюц, «в обыденном мышлении обычно считается, что предрассудки есть только у других людей. У *меня* вообще не может быть предрассудков, потому, что *мои* убеждения прочно обоснованы, *мои* мнения самоочевидны, а *моя* вера в правильность и правоту *наших* обычаев – что бы под этим не подразумевалось – верна» [7]. А фиксация состояний Я в потоке времени с последующим восхождением к активному синтезу настоящих, прошлых и будущих представлений о должном в праве – это способность, которая характеризует развитое правовое сознание.

Другим примером проявления «консервации» темпоральности правосознания является то, что «принятые в первые годы постсоветской России постановления и законы об ограничении сроков выборности, возрастных лимитах для занятия административных должностей оказались даже не отменены, а волшебным образом забыты» [8]. Это объясняется не только тем, что большинство людей, заняв высокий пост, стремится любыми средствами его сохранить. Дело в том, что под влиянием объективных и субъективных условий меняется само отношение к времени. Так, в эпоху перестройки граждане обновленной России активно искали новые социальные смыслы, беспрецедентно интенсивным было и правотворчество. Стремление убыстрить темп социальных изменений отражалось в установках правосознания и содержании нормативно-правовых актов. По мере реализации социальных ожиданий становилось очевидным, что трансформации требуют слишком много усилий и жертв, а их темп непереносим. Именно тогда правосознание отдельных граждан стало сводиться к пассивным синтезам, а время приобрело ретроспективную направленность. Как следствие, Я правового субъекта сосредоточилось на перспективах, гарантирующих стабильность и устойчивую повторяемость событий.

Подобные нарушения феноменологического требования «ясности» временных перспектив, девальвация значимости различных траекторий развития сознания, отрицание его внутреннего времени на практике компенсируются созданием разнообразных социальных технологий «управления временем». Примером, иллюстрирующим эффект тотальной синхронизации в объективном праве, является факт того, что «официальное» правовое время создается юридическими лицами: органами местного самоуправления и государством, которые ограничивают свое время границами государства и календарного времени. Так, например, понятие «призывной возраст» в российском конституционном законодательстве означает, что в границах государства Российская Федерация лицо мужского пола обязано исполнять воинскую обязанность по достижении 18 лет по календарю с момента его рождения. Консолидированные

действия признанных субъектов права, синхронизированные календарными сроками, устанавливают рамки, в которых развиваются правоотношения, гарантируют четкость и организованность в системе правового регулирования. Введение стандартов измерения времени, нормативов длительности, скорости и ритма процессов, явлений в обществе тотализирует временные перспективы и может быть использовано как одно из действенных средств дисциплинирования общества.

Можно ли преодолеть абберации правосознания, если оно ограничено серией нерелевантных идеаций, а смысл поступков и содержание сознания людей либо недоступны, либо неполны? По мнению А. Шюца, актуализация индивидуального сознания предполагает его осовременивание, то есть осознание возможности и границ одновременных взаимных перспектив Я и Другого, стремление понять суть происходящего. Н. Луман, размышляя над этим же вопросом, утверждает: социальность и общественный порядок были бы невозможны в условиях ускользающей временности, если бы их «собственные значения» (смыслы) постоянно не циркулировали и не воспроизводились (актуализировались) бы в предметах и «собственном поведении» [9]. Таким образом, признание темпоральности как собственной характеристики правосознания и опыт осмысленных поступков оказываются достаточными условиями преодоления превращений пассивного синтеза.

Феноменологический подход к решению вопроса о темпоральности правосознания, если его поспешно не отождествлять с релятивизмом или прагматизмом, значительно расширяет меру эмансипации правосознания. Он предлагает выбор между «быть включенным» или «быть бездействующим» и не оставляет возможности для непосредственного принуждения. Так, в аспекте активного синтеза можно говорить не только о календарном времени объективного права, но и о внутреннем времени правосознания, благодаря которому предмет предстает не как единичное мгновенное событие или совокупность событий, а как результат длящегося, в различных модификациях, усилия сознания.

Осмысление правовой жизни связано с фиксацией таких ее объективных временных характеристик, как длительность, последовательность, одновременность, момент времени, повторность, непрерывность, интенсивность и ритмичность. Однако за их пределами существует другое правовое время, производное от представлений личности о правовой жизни. Правовое время дает ей почувствовать значимость или ничтожность прав, овладеть правоспособностью и добиваться исполнения правовых притязаний или подчиниться необходимости исполнения обязанностей. Оно эмансипирует правосознание, позволяя по-новому «оценить… длительность отпусков, выходных, рабочих, праздничных дней; длительность различных правовых состояний, дающих право на определенные льготы; справедливость, гуманизм права и закона, допустим, с помощью установления рамок правовых стимулов и ограничений» [10]. Таким образом, идея темпоральности правосознания является продуктивной как с теоретической, так и с практической точки зрения, поскольку она позволяет рассматривать время как условие порождения и обновления всех элементов права. Темпоральность права, имманентная процессу констатирования смыслов права, должна стать предметом изучения теории правосубъектности. А ее проявления в реалиях правовой жизни могут служить индикатором зрелости гражданского общества, критерием актуальности работы различных управленческих и правоохранительных органов.

Ссылки на источники

1. Бабенко А. Н. Проблемы обоснования ценностных критериев в праве // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 96.
2. Павлов А. В. Закон и право: два образа «общего блага» в аспекте социального времени: дис. … канд. филос. наук. – Великий Новгород, 2005. – С. 72.

3. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб.: Наука : Ювента, 1998. – С. 109–110.
4. Гайденко П. П. Мартин Хайдеггер: изначальная временность как бытийное основание экзистенции // Вопросы философии. – 2006. – № 3. – С. 172.
5. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. – М.: Высш. шк., 1998. – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/molchanov/zb.htm.
6. Славская А. Н. Интерпретация как механизм правовых представлений личности в российском обществе (опыт психосоциального исследования) // Психологический журнал. – 1998. – № 2. – С. 11.
7. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 652.
8. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // Вопросы философии. – 2016. – № 8. – С. 120.
9. Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – С. 52.
10. Тенилова Т. Л. Временные характеристики в сфере правосознания // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2005. – № 4. – С. 39.

Marina Pantykina,
Doctor of Philosophy, Professor at the chair of History and Philosophy, Vice Director on educational-methodical work, Humanitarian-Pedagogical Institute, Togliatti State University, Togliatti
pantikina@tltsu.ru

Legal time: experience of phenomenological studies

Abstract. The paper shows the difference between the interpretation of the law time as the legalization of the conditions of action of the different legal rules and legal understanding of time as a prerequisite for the emancipation of the legal consciousness. The latter interpretation is developing the mainstream phenomenological methodology, especially the constitutive analysis. As a result, the traditional view of legal time complemented by a characteristic of a temporality, which is found in the experience of justice. Thus passive syntheses using time perspective of the justice to find the reason the stability of the existence of I, its inclusion in the synchronization process and discipline produced the "official" legal time. Active synthesis focused on the constitution of the new and shaping of old meanings, "revolutionizing" of justice, and I experienced legal time is becoming ever more intense. Wherein legal I do not identify with the dominant stability, and with expectations actualization of its the existence. That is why I am committed to “modernize” that it is included in the prospects for the existence of the other people.

Key words: legal time, phenomenology of law, philosophy of law, legal consciousness, temporality, constitution, law, legal subject.

References

1. Babenko, A. N. (2002). “Problemy obosnovanija cennostnyh kriteriev v prave”, *Gosudarstvo i pravo*, № 12, p. 96 (in Russian).
2. Pavlov, A. V. (2005). *Zakon i pravo: dva obraza «obshhego blaga» v aspekte social'nogo vremeni: dis. … kand. filos. nauk,* Velikij Novgorod, p. 72 (in Russian).
3. Gusserl', Je. (1998). *Kartezianskie razmyshlenija*, Nauka, Juventa, St. Petersburg, pp. 109–110 (in Russian).
4. Gajdenko, P. P. (2006). “Martin Hajdegger: iznachal'naja vremennost' kak bytijnoe osnovanie jekzistencii”, *Voprosy filosofii*, № 3, p. 172 (in Russian).
5. Molchanov, V. I. (1998). *Vremja i soznanie. Kritika fenomenologicheskoj filosofii*, Vyssh. shk., Moscow. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/molchanov/zb.htm (in Russian).
6. Slavskaja, A. N. (1998). “Interpretacija kak mehanizm pravovyh predstavlenij lichnosti v rossijskom obshhestve (opyt psihosocial'nogo issledovanija)”, *Psihologicheskij zhurnal*, № 2, p. 11 (in Russian).
7. Shjuc, A. (2004). *Izbrannoe: mir, svetjashhijsja smyslom*, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, Moscow, p. 652 (in Russian).
8. Emelin, V. A. & Thostov, A. Sh. (2016). “Soblazny i lovushki temporal'noj identichnosti”, *Voprosy filosofi*i, № 8, p. 120 (in Russian).
9. Luman, N. (2004). *Obshhestvo kak social'naja sistema*, Logos, Moscow, p. 52 (in Russian).
10. Tenilova, T. L. (2005). “Vremennye harakteristiki v sfere pravosoznanija”, *“Chernye dyry” v rossijskom zakonodatel'stve*, № 4, p. 39 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Некрасовой Г. Н., доктором педагогических наук,
членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

Поступила в редакцию *Received*	22.10.16	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	24.10.16
Принята к публикации *Accepted for publication*	24.10.16	Опубликована *Published*	30.12.16

ISSN 2304-120X
www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2016
© Пантыкина М. И., 2016